

ЖИТИЕ МЕРКУРИЯ СМОЛЕНСКОГО: С РУССКОГО НА ПОЛЬСКИЙ И ОБРАТНО*

В первой половине XVII века в результате трех русско-польских войн Смоленск несколько раз переходил из рук в руки. В 1611 году город был захвачен армией Сигизмунда III с огромными потерями среди горожан, включая самоподрыв защитников города в Успенском соборе. Попытка отбить город не увенчалась успехом, и в 1618 году по Деулинскому перемирию Смоленск остался за Речью Посполитой. В 1634 году во время Смоленской войны русские войска под командованием Михайлы Шеина осадили город, но появилась польская армия под командованием Владислава IV, в результате русская армия была разбита. В 1654 году русская армия осадила Смоленск, и после длительной осады польский гарнизон капитулировал. Смоленск был окончательно присоединен к Московскому царству, что было юридически закреплено Андрусовским перемирием (1667), а затем подтверждено Вечным миром (1686) между Московским царством и Речью Посполитой.

Вполне ожидаемо в польской панегирической литературе того времени победы польского оружия прославлялись — этим победам было посвящено много произведений. Русские дипломаты пристально следили за этой литературой, реагировали на нее болезненно и были ею крайне недовольны. Так, основной целью русского посольства 1650 года в Варшаву было поздравить Яна Казимира с избранием на престол и добиться наказания тех, кто неправильно писал титул «великого русского государя». Глава посольства боярин Григорий Гаврилович Пушкин — сын Гаврилы Пушкина, изображенного в «Борисе Годунове», — потребовал для авторов четырех книг с «бесчестиями» смертной казни, возвращения нескольких городов и 500 000 золотых червонных.¹ Одной из книг была поэма «Владислав IV» Самуэля Твардовского, крупнейшего польского поэта XVII века. Сохранилась обширная «перечневая» выписка тех мест, которые Г. Г. Пушкин считал оскорбительными для русского государства.² Например: «Двулетним стояньем Смоленск взят и воевода Михайло Шеин меж иными сыскан и изыман; и какое разоренье Смоленску починили, что некоторые люди со страху в огонь метались и топились в воду, и церкви и дома свои зажигали; и как, взяв Шеина с иными полонениками, отослали до Варшавы, и Потоцкий остался в Смоленску воеводою, и многие неизчетные бесчестные укоризны писаны Московского государства людем, чего и писать стыдно». Авторы, конечно, не казнили, но перечисленные листы из книг, действительно, были сожжены палачом на площади в Варшаве. Пушкин заметил также, что «в то время многие были польские и литовские люди», которые, кстати, говорили, что «лучше бы король с Московским государством мир разорвал или города уступил, чем такое великое бесчестье положено на Корону Польскую и Великое княжество Литовское: описание славных дел королей Сигизмунда и Владислава на рынке сожжено!». Литература теснейшим образом была связана с внешней политикой.

* Посвящаю эту статью памяти моего друга, профессора Анджея Литворни (Andrzej Litworńia; 1943–2006), с которым в 1994 году в г. Удине (Италия) мы обсуждали возможные пути изучения судьбы жития Меркурия Смоленского в польской письменности.

¹ См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 33–34.

² См.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1861. Т. 3. С. 443–444.

Но самой интересной литературной схваткой за Смоленск стала история с житием св. Меркурия Смоленского, который считался небесным патроном города уже с начала XVI века. Житие дошло до нашего времени в значительном числе списков (ок. 80), которые распределяются по нескольким редакциям.³ Нас сейчас занимает так называемая Смоленская или Западнорусская редакция, сохранившаяся в 4 списках.⁴ Вот ее название: «Месяца ноемврия 24 дня. Повесть о святом и победоносном мученику Меркурию, чудотворцу смоленскому, являюще преславное чудо бывшее от иконы Пречистой Владычицы наша Богородицы, како избави град Смоленск крепким своим заступлением и милостию, рукою угодника своего Меркурия, в нашествие безбожных агарян, и како победи царя Батия и освободи град Смоленск и всех живущих в нем избави, в бывшее в лето от создания мира 6746 [1238]. Исписана бо прежде сия вещь словенским языком, таже из словенска языка предложена на польский язык, а ныне же паки ис польскаго на словенский». Названия в списках отличаются, в других добавлена дата: «на славенский язык предложено в лето 7164 [1656]».

Предыстория, видимо, была такова. После захвата Смоленска (вероятно, речь может идти о 1611 году) Речь Посполитая признала св. Меркурия Смоленского небесным покровителем города, а его житие было переведено на польский язык. В 1611 году Свирская церковь стала католическим храмом, на одной стене сохранилась надпись «Святой Меркурий Смоленский, родом римлянин, патрон Смоленска». После возвращения Смоленска под власть Московского государства в 1654 году, церковь была пересвящена, и в ней продолжились православные богослужения. Соответственно, было возвращено в лоно православной церкви и житие покровителя города. Конечно, с современной точки зрения никакого практического смысла в обратном переводе не было, поскольку исходный русский текст никуда не делся, но это был очень важный символический акт для политической мифологии города.

А. И. Соболевский включил этот перевод в свою «Переводную литературу Московской Руси XIV–XVII вв.» с пометкой «Польский текст нам неизвестен».⁵ После этого никаких успехов в поисках польского перевода не было. Исследователи пытались найти подходящее объяснение, начиная от предположения, что текст был просто записан латиницей, вплоть до полного сомнения в существовании такого перевода вообще, последнее высказано относительно недавно.⁶ Между тем эти сомнения совершенно напрасны. Уже давно показано, что имеющийся перевод с польского отражает Минейную редакцию жития. А точнее всего суть дела сформулировал сто лет назад Л. Т. Белецкий: «...доказательство, что архетип Смоленской группы есть обратный перевод с польского языка, это полное отсутствие текстуальных совпадений с текстом Минейной группы. В большинстве случаев передается то же содержание и в том же порядке и одинаковые мысли, но другими оборотами речи и словами».⁷ В целом, отечественные исследователи Смоленской редакции ссылаются на отсутствие сведений о польском переводе жития. Состояние вопроса на сегодняшний день точно сформулировала Н. В. Рамазанова: «...польские переводы Повести о Меркурии Смоленском науке неизвестны. <...> Однако их существование вполне допустимо»; «И если когда-нибудь будет найден польский текст Повести о святом мученике Меркурии, можно будет уточнить, а возможно, и заново интерпретировать ее „Смоленскую“ редакцию».⁸

³ См.: Бахтина О. Н. Повесть о Меркурии Смоленском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 248–252.

⁴ См.: Белецкий Л. Т. Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском»: Исследования и тексты. Пг., 1922. С. 12–20; Рамазанова Н. В. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. СПб., 2005. С. 82–97.

⁵ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 218.

⁶ См.: Стороженко Э. А. К вопросу о Смоленском (Западнорусском) варианте повествования о св. мч. Меркурии Смоленском // Культура как текст. М.; Смоленск, 2008. Вып. 8. С. 480–483.

⁷ Белецкий Л. Т. Литературная история «Повести о Меркурии Смоленском». С. 16.

⁸ Рамазанова Н. В. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. С. 83, 90.

Между тем польский перевод существовал, и он даже был опубликован в XVII веке под названием «*Żywot pobożnego Merkuriusza, Żołnierza i Męczennika*».⁹ В конце жития важнейшая для нашего разыскания приписка на латыни: «*Ex lingua Sclauonica manuscripta Smolenscii*», т. е. «Со славянского языка записано в Смоленске». Итак, вопрос с польским переводом решился сам собой. Но не все так просто. Во-первых, обратный перевод на русский язык был выполнен в 1656 году, а вот книга «Духовная крепость Польского Королевства» Петра Гиацинта Пруща, в которой напечатано житие св. Меркурия, вышла в 1662 году, более ранней публикации найти не удалось. И второе — опубликованное в этой книге житие по объему примерно раз в пять меньше русского перевода с польского. Можно предложить следующее объяснение. «Духовная крепость Польского Королевства» — это компилятивная книга, составленная из самых разных источников, что и указано на титульном листе, а сами источники перечислены в начале книги. Там все жития даны в сокращенном виде. Еще более краткая, но зато более ранняя публикация жития Меркурия Смоленского отыскивается в изданной на латинском языке в Вильне в 1650 году книге «Разные события, относящиеся к состоянию церкви в Великом Княжестве Литовском»,¹⁰ так как в ней напечатаны сведения о многочисленных святых покровителях Великого Княжества Литовского, а Смоленск относился к его юрисдикции. Нет сомнений, что и эта версия восходит к переводу жития Меркурия Смоленского с русского языка. Кстати сказать, и житие на латинском языке сохраняет дату подвига Меркурия не только от Рождества Христова (1236), но и от сотворения мира (6745). Согласно же русским источникам, подвиг Меркурия относится к 1239 году, а в книге Пруща указан 1246 год. Объяснить эту путаницу с датами пока не представляется возможным.

Смоленская редакция жития Меркурия Смоленского имеет одно существенное отличие от Минейной и других русских редакций. В других русских редакциях нет упоминаний о татарах. Исследователи объясняют это тем, что Московское царство видело в татарах союзников в борьбе с литовцами. По этой причине в русском житии Меркурий сражается с «печенегами», «злыми варварами», «погаными иноплеменными силами», «агарянскими внуцами».¹¹ А в версиях жития на польском и латыни и, соответственно, в Смоленской редакции, т. е. переводе с польского, Меркурий сражается только с татарами. Таким образом, получается, что «римлянин, усыновленный польским народом», приехал на эти земли и ведет с другими христианскими властителями борьбу с татарами. В польском житии никаких следов более раннего пребывания Меркурия в Смоленске нет. Очевидно, что это не просто перевод, но и существенная переакцентуация хода событий.

Хотя опубликованный в 1662 году польский текст по объему значительно меньше перевода 1656 года полной польской версии жития, между ними есть близкие текстуальные сходства:¹²

...и рече ко святому: «Меркурие, гряди скоро, се Госпожа зовет тя со всяким оружием, во время брани потребным».

К нему же прибег, святыи Меркурий паде на землю с великим пролитием слез.

...rzekł: «Sługo Boży, idź prętko, abowiem cię Pani woła ze wszystkim przygotowaniem do wojny».

Natychmiast poszedł z stróżem do Cerkwie Najsświętszej Panny i tam obaczył świece gorające przed obrazem i oręża wojenne, a krzyżem padłszy rzewliwie się modlił.

⁹ См.: *Pruszcz P. H.* Forteca duchowna Królestwa Polskiego. Kraków, 1662. S. 75–76. Текст жития по польскому изданию 1662 года см. в Приложении.

¹⁰ См.: *Kojałowicz-Wijuk W.* Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lituaniae Ducatu pertinentium. Vilnae, 1650. P. 6–7. См. также: *Księga imion i świętych* / Opr. H. Fros i F. Sowa. Kraków, 2004. T. 4. M–P. Szp. 269–270.

¹¹ См.: *Рамазанова Н. В.* Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. С. 30–34.

¹² Русский текст цитируется по русскому переводу 1656 года с польского языка по изд.: *Рамазанова Н. В.* Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. С. 91–97.

Но и сильного исполина победив, отсецши главу его, яко Сама Аз есмь готова в помощь тебе. Но и о семь веждь, яко ты, утружден сый, обратишися ко граду Смоленску, и близ града кровь свою за церковь мою излиав, венец победы от Вседержителя Бога во Святой Троицы Единого приимиши.

Olbrzymowi pysznemu głowę utniesz, bo ja tobie sama będę na pomocy, a gdy zapracowanym będąc wrócisz się do miasta, koronę męczeńską, zapłatę prac twoich, od Boga w Trójcy świętej jedyne go odniesiesz.

Поскольку в книге Пруца источником жития названа славянская рукопись, т. е. на церковнославянском языке, а более ранней публикации не обнаружено, то можно осторожно предположить, что полная версия перевода на польский язык в печать не попала и осталась в рукописи. Дальнейшие поиски стоит сосредоточить на обследовании польских и литовских рукописных хранилищ, не забывая и поиски в смоленских архивах.

Итак, после возвращения Смоленска Свирская церковь была переосвящена, а житие обратно переведено на русский язык. Но и поляки с литовцами не отказались от небесного покровительства Меркурия Смоленского. Публикация жития Меркурия в 1662 году вовсе не была анахронизмом. Кстати сказать, в этой же компиляции напечатаны жития князей Бориса и Глеба и княгини Ольги, поскольку Киев тоже относился к юрисдикции Великого Княжества Литовского до 1654 года.¹³ Примечательно, что названные жития взяты не из русских источников, а извлечены из польских «Хроник» Мартина Кромера и Мадея Стрыйковского. Стрыйковский, кстати, в списке источников Пруца не упомянут, видимо, по недосмотру. В любом случае, эти «Хроники» польских историографов XVI века никак нельзя отнести к житийной литературе.

В 1717 году в виленской иезуитской коллегии была поставлена аллегорическая школьная драма в трех актах «Orator in acephalo stipite capitalis laurea linguae, sub fatali arbore redimitus, Divus Mercurius martyr, diminuto pro Christo corpore sublimatus, inter lugubres ferias exaltati a terra in arborem crucis Dei-Hominis tragice repraesentatus, a palaemonio-oratoria palaestra Academiae et Universitatis Soc. Jesu». А в 1720 году в варшавской иезуитской коллегии была поставлена школьная пьеса «Acephalus, in capite orbis natus, a septicolli urbe peregre profectus, collo praecisus sub Smolenscensem tartaricam obsidionem, D. Mercurius martyr, sub lugubres Theandricae passionis ferias ad théâtrales ignés publico funeri expositus ab illustrissima etc. oratoria facultatis iuventute Collegii Varsaviensis Soc. Jesu». Печатные программы этих представлений, посвященных Меркурию Смоленскому, сохранились и в 1916 году были подробно описаны В. И. Резановым.¹⁴

В 1737 году в Кракове была переиздана книга Петра Пруца под несколько измененным названием «Духовная крепость монархов и всего Польского Королевства», и в ней есть житие св. Меркурия.¹⁵ А в 1767 году в Кракове вышла еще одна компилятивная книга «Польша мать святых» Флориана Ярошевича, «собранная из разных авторов и сочинений, как польских, так и чужестранных», в которой жития расположены в соответствии с церковным календарем, и на 10 июля помещено житие св. Меркурия, перепечатанное из книги Пруца по изданию 1662 года, с точной ссылкой.¹⁶ Источник указан точно, но текст жития воспроизведен не вполне точно. Важное изменение читается в первом предложении жития. В книге Пруца говорится, что рыцарь Меркурий «приехал в русские земли» («przyjechał do ruskich krajów»), а в книге Ярошевича сказано, что Меркурий «приехав в Польшу, жил в ней до самой смерти»

¹³ См.: *Pruszcz P. H.* Forteca duchowna Królestwa Polskiego. S. 18–19.

¹⁴ См.: *Резанов В.* Школьные драмы польско-литовских иезуитских collegий. Нежин, 1916. С. 51–52, 124–125. Ср.: *Dramat staropolski od początków do powstania sceny narodowej: Bibliografia.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. Т. 2. Programy drukiem wydane do r. 1765. Cz. 1. Programy teatru jezuickiego / Opr. W. Korotaj, J. Szwedowska, M. Szymańska. S. 380–382.

¹⁵ См.: *Pruszcz P. H.* Forteca monarchów i całego Królestwa Polskiego duchowna... powtórnie z additamentami swemi... do druku podana. Kraków, 1737. S. 97–98.

¹⁶ См.: *Jaroszewicz F.* Matka świętych Polska. Kraków, 1767. S. 342.

(«przyjechawszy do Polski w niej się zamieszkał aż do śmierci»). Таким образом, в компилятивной книге Ярошевича закрепляется представление о том, что Меркурий был и остается польским святым, сражавшимся с татарами.

После 1858 года в Кракове вышло недатированное издание «Перечень польских святых и благословенных покровителей».¹⁷ В 1862 и 1936 годах оно было перепечатано под названием «Перечень польских святых».¹⁸ В этих книжечках, включающих жития 60 святых, оказалось и житие св. Меркурия, сопровождаемое его изображением. Житие здесь совсем краткое, один абзац, при этом отсутствует даже упоминание об ацефале и тем более о кефалофоре. На картинках (это одна и та же гравюра во всех трех изданиях) Меркурий изображен возносящим молитву после битвы — вокруг лежат поверженные враги, в том числе отрубленная голова татарского Богатыря. Как и в русской иконографии, в польской не было изображений Меркурия-ацефала или самого момента усекновения главы святого. Надо отметить, что в издании, опубликованном после 1858 года, Смоленск не упоминается. В этих книжках Меркурий сражается с армией Батия, которая опустошает и разоряет Польшу.

Но самое интересное в XX веке случилось в 1920-е годы. В 1912 году в печати появилась повесть И. А. Бунина «Суходол». В повести несколько раз упоминается икона св. Меркурия (довольно нетипичная для его иконографии, поскольку святой изображен с отрубленной головой в руке) и очень кратко излагается суть его подвига. Эта повесть произвела сильнейшее впечатление на тогда еще начинающего польского поэта и прозаика Ярослава Ивашкевича. Много позже, уже будучи известным писателем, он перевел эту повесть на польский язык и считал ее шедевром русской прозы. В своем предисловии «От переводчика» Ивашкевич писал, что «Суходол» «не только формой своей предвосхищает современную американскую литературу, но и по содержанию как бы близок целому ряду „фолкнеровских“ рассказов об упадке зажиточных некогда семей».¹⁹

Под влиянием ли Бунина или по другой причине, но в 1918 году Ивашкевич написал «Легенду о святом Меркурии Смоленском» («Legenda o świętym Merkurym Smoleńskim»), которая вошла в его небольшую книгу 1921 года «Легенды и Деметра» (всего в книжке пять произведений).²⁰ Агиографическая стилизация Ивашкевича, выполненная ритмической прозой, несет следы влияния русского акмеизма, что отмечала Л. А. Янковская в посвященной этой легенде статье. Источник сведений Ивашкевича о житии Меркурия Смоленского неизвестен, но ко времени создания легенды житие уже несколько раз было опубликовано, в том числе в переводе на русский язык Ф. И. Буслаева,²¹ поэтому Ивашкевич вполне мог ознакомиться с одной из публикаций, тем более что лето 1918 года он провел в Киеве.

В 1924 или 1925 году в Польшу переселился С. Ю. Кулаковский (1892–1949). Сын профессора Киевского университета, известного филолога-классика, он учился в Киеве и Петрограде, был доцентом в Москве. После переезда в Польшу он обосновался в Варшаве и погрузился в литературную жизнь польской столицы. Кулаковский писал на двух языках, читал лекции, продолжал писать о русской литературе, а также о польской литературе, в том числе современной. Много печатался на польском и русском

¹⁷ См.: *Poczet świętych i błogosławionych patronów polskich*. Kraków, [s. a.]. Издание без пагинации.

¹⁸ См.: *Poczet świętych polskich*. Kraków, 1862; *Poczet świętych polskich*. Warszawa, 1936. Издания без пагинации.

¹⁹ *Bunin I. Suchodoły / Przełożył J. Iwaszkiewicz // Twórczość*. 1968. № 8. S. 11–12. Пер. мой. — С. Н. Перевод повести напечатан на с. 12–49.

²⁰ См.: *Iwaszkiewicz J. Legenda i Demetr*. Warszawa, 1921. S. 9–17; *Jankowska L. A. Z dziejów polskich zainteresowań hagiografią bizantyńsko-słowiańską. „Słowo o świętym Merkurym Smoleńskim“ w interpretacji poetyckiej Jarosława Iwaszkiewicza // Chrześcijański Wschód a kultura polska*. Lublin, 1989. S. 261–276. Излагая историю жития Меркурия Смоленского, польская исследовательница упоминает перевод жития с польского языка на русский и отмечает, что «польский архетип Повести неизвестен» (*Ibid.* S. 266, przyp. 18).

²¹ См.: *Бахтина О. Н. Повесть о Меркурии Смоленском*. С. 251.

языках, принимал участие в I Съезде славистов. В 1929 году он издал в Берлине книгу о современных польских поэтах. А в 1926 году в приложении к издававшемуся в Варшаве «еженедельному церковно-народному иллюстрированному журналу» «Воскресное чтение» он опубликовал небольшую книжечку «Сказание о Меркурии Смоленском в обработке Ярослава Ивашкевича».²² Поразительно, как точно повторилась история с житием Меркурия Смоленского, случившаяся в середине XVII века! Однако на этот раз в обратном переводе не было ни политической, ни конфессиональной подоплеки. Кулаковского привлекла поэтическая проза Ивашкевича, в которой угадывается стилистика и языковой регистр символизма уже уходящей эпохи литературы «Молодой Польши». Вот начало этой легенды Ивашкевича в переводе Кулаковского:

«Семь труб золотых вострубило, семь лебедей серебряных возлетело, семь знамен голубых развернулось по ветру, семь черных коней вороных понеслось — только искры мечут из-под подков —

у дома, где

Меркурий, святой отрок, молится Богородице-Деве; и Архистратигу Архангелу Михаилу молится он и Пресвятой Троице, и распятому Христу.

А татарва злая залегла вокруг города черною тучей, татарва стрелы пускает и хулы; и душу, и тело ранит она, убивает скорою смертью мужей, в полон берет на вечное поругание девушек, и детей топит в крови.

Стонет земля под копытами поганных, стонут звонницы и башни — тшцетно звонят, призывают молиться, стонет Меркурий святой, упав на колени пред иконой».²³

Кулаковский справедливо отметил, что «сказание о Меркурии писано ритмической прозой, которую переводчик тоже передает; при чтении его вспоминаются рассказы житий и чудес А. М. Ремизова и М. А. Кузмина»; «ритмическая проза Ивашкевича звучит восторженно, и после нее простая речь средневекового жития бедна, невыразительна».²⁴

В своем небольшом «Послесловии» к переводу Кулаковский кратко изложил литературную историю жития Меркурия Смоленского и указал важнейшие его русские рукописи. Возможно, он воспользовался материалами исследования Л. Т. Белецкого 1922 года. Но с одним его заключением согласиться трудно. Кулаковский пишет: «Несомненно, пятая редакция памятника, т. е. обработка Я. Ивашкевича, носящая западный характер, идет от т. н. литературной (третьей) редакции».²⁵ Включать литературное переложение Ивашкевича в творческую историю жития Меркурия Смоленского нет никаких оснований. В конце своего послесловия Кулаковский упомянул о переводе жития на польский язык в XVII веке и заметил: «Только польский этот перевод остается, к сожалению, неизвестным».²⁶

Можно еще только добавить, что в 1988 году «Сказание о Меркурии Смоленском» вновь было переведено на польский язык. Перевод был выполнен известным польским русистом Р. Лужным, профессором Ягеллонского университета в Кракове и Католического университета в Люблине, и вошел в подготовленную им антологию древнерусских сказаний и легенд «Сказание о невидимом граде Китеже».²⁷

Итак, в первой половине XVII века после завоевания поляками Смоленска на польский язык было переведено житие Меркурия Смоленского, а в 1656 году вместе с отвоеванием Смоленска и житие покровителя города было возвращено назад в качестве чисто символического акта. Но и поляки не отказались от этого святого, и на протяжении четырех веков Меркурий Смоленский присутствовал в польской письмен-

²² См.: Кулаковский С. Сказание о Меркурии Смоленском в обработке Ярослава Ивашкевича. [Warszawa: Drukarnia Synodalna]; Издание «Воскресного Чтения», 1926. 16 с.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ Там же. С. 3, прим., 16.

²⁵ Там же. С. 15. Под третьей редакцией С. Ю. Кулаковский имеет в виду Минеиную редакцию.

²⁶ Там же. С. 16.

²⁷ См.: Opowieść o Merkuryum Smoleńskim // Opowieść o niewidzialnym grodzie Kitieżu. Z legend i podań dawnej Rusi / Wybrał, przełożył i opracował R. Łużny. Warszawa, 1988. S. 117–120.

ности и религии, поскольку поляки считали, что он был «Rodem Rzymianin, ale przybrany syn narodu polskiego» («римлянин, усыновленный польским народом»).

В Приложении приводится текст жития Меркурия Смоленского на польском языке по изданию: *Pruszcz P. H. Forteca duchowna Królestwa Polskiego. Kraków, 1662. S. 75–76*. Текст печатается по правилам, принятым для публикации произведений XVII века на польском языке.

Поскольку публикуемый текст является сокращенной версией польского перевода XVII века с русского языка, а русский перевод XVII века полной польской версии сохранился, то настоящий текст печатается без перевода на современный русский язык.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Żywot pobożnego Merkuriusza, Żołnierza y Męczennika

Ten z Rzymu był rodzic, z pany chrześcijańskimi przyjechał do ruskich krajów. Za jego czasu Baty Tatarzyn, wielki ludu morderca, panien zakonnych gwałtownik, kościoły i klasztory wniwecz obracał i palił, który z wojskiem przyciągnawszy pod Smoleńsk, zastał tam w mieście sługę Bożego Merkurego. Ten widząc tak ciężkie udręczenie ludu chrześcijańskiego, zawsze chodził przed obraz Naświętszej Panny, Maioris nazwanej, prosząc o przyczynę do Syna swego, aby Pan Bóg raczył tak wielką plagę od ludu chrześcijańskiego oddalić. Miała jego gorąca prośba u Naświętszej Panny miejsce, abowiem ukazała się Naświętsza Panna słudze kościelnemu, mówiąc te słowa: «Idź do służby mego, Merkuriusza, żeby tu przyszedł». Do którego prętko szedłszy, rzekł: «Sługo Boży, idź prętko, abowiem cię Pani woła ze wszystkim przygotowaniem do wojny». Natychmiast poszedł z stróżem do Cerkwie Naświętszej Panny i tam obaczył świece gorące przed obrazem i oręża wojenne, a krzyżem padłszy rzewliwie się modlił. Do którego Naświętsza Panna rzekła: «Sługo mój i Syna mego, idź przeciw wojsku tatarskiemu, a będziesz jemu strasznym na miejsce Dolkost nazwane, i tam wojsko nieprzyjacielskie zetrzesz i Olbrzymowi pysznemu głowę utniesz, bo ja tobie sama będę na pomocy, a gdy zapracowanym będąc wrócisz się do miasta, koronę męczeńską, zapłatę prac twoich, od Boga w Trójcy świętej jedynego odniesiesz». Co usłyszawszy Merkury pełnił rozkazanie i z mieczem gołym i znakiem krzyża świętego wyszedł przed miejską bramę, nikomu nie widomy, wpadłszy w pułk tatarski, Olbrzymowi głowę uciął i wojsko pogańskie potłumił. A będąc spracowany, Panu Bogu za dziwną pomoc dziękował, do którego z nieba ozwał się głos, mówiący: «Bądź stały sługo mój, o coś prosił, będziec dane». A zatym Merkury udał się ku miejskiej bramie, którego Tatarzyn dogoniwszy, ściał. A wzięwszy głowę swoją w ręce swe, do miasta szedł, która głowa mówiła i za to zwycięstwo Panu Bogu i Naświętszej Pannie i też za koronę męczeńską obiecaną dziękowała. To widząc lud wszystek Panu Bogu psalmy wyśpiewywali, a ciało męczennika na zamek do Cerkwie Naświętszej Panny zanieśli i pogrzebli po lewej stronie wrót carskich około roku 1246. Na tym miejscu, gdzie był święty, piramidę wielką wystawiono. Tarca jego jest w ucziwości w kościele Dominikańskim, in-sza broń zgorzała z miastem. *Ex lingua Sclauonica manuscripta Smolenscii.*